

Немеркнущие образы пролетарских борцов

В. Л. МАЛЬКОВ

ТОМ МУНИ — УЗНИК САН-КВЕНТИНА

«Те, кого отличает несгибаемый дух социальной революции, те, у кого хватило морального мужества выстоять и защищать свои убеждения, сражаться за свой убеждения и идти за них в тюрьмы и в самый ад, если бы это потребовалось, те, кто выстоял в этот роковой час, впишут свои имена в бессмертные скрижали истории человечества».

(Из речи Ю. Дебса 16 июня 1918 г. в Кантоне, штат Огайо)¹

22 июля 1916 г. в Сан-Франциско во время «патриотического» «парада готовности» на углу Стюарт-стрит и Маркет-стрит взорвалась бомба. Последствия взрыва были особенно велики потому, что он произошел в густой толпе зрителей, сгрудившихся на тротуаре и наблюдавших за прохождением колонн участников манифестации. 10 человек были разорваны в клочья, 40 ранены взрывной волной и шрапнелью смертоносного устройства. Трагедия на Стюарт-стрит потрясла Калифорнию не меньше, чем грандиозное землетрясение 1906 г., наполовину разрушившее Сан-Франциско. Официальная версия, дружно подхваченная буржуазной печатью, приписала преступление радикалам-антимилитаристам, левому крылу рабочего движения, якобы пытавшимся всеми средствами, в том числе и террористическими актами, посеять панику и подорвать изнутри обороноспособность страны. Не прошло и суток, как было объявлено, что «почерк» преступников разгадан. Затем последовал арест четырех активистов местных профсоюзов — Тома Муни, Уоррена Биллингса, Эда Нолана, Израиля Вейнберга и жены Тома, Рены Муни.

Таковы вкратце основные события, положившие начало самому длительному в истории США политическому процессу, в драматических перипетиях которого, длившихся ровно четверть века, отразилась отнюдь не одна только трагическая судьба рабочих лидеров, ставших жертвой предубеждений, наговора и преследований. Ни мерой личной трагедии, ни методом юридических оценок не измерить всей глубины политического значения, которое всегда сохранится за «делом Муни», каким бы сроком давности не было оно отданено от сегодняшнего дня.

«Бывают такие «случаи» в политике, — писал В. И. Ленин, — когда сущность известного порядка вещей обнаруживается с необыкновенной силой и ясностью...»². Хорошо известно, что во многих порой по мелкому поводу возникших политических процессах как в фокусе сплелись и отразились классовые противоречия эпохи³. «Дело Муни» также не было ординарным судебным процессом. «Целый период истории США между 1916 и 1942 гг. теснейшим образом переплется с делом Тома Муни», — писала в редакционной статье газета «The New York Times» в связи с его смертью⁴. В одном из недавних выступлений Гэс Холл вновь напомнил о

¹ Цит. по: R. G i n g e r. The Bending Cross. A Biography of Eugene Debs. New Brunswick, 1949, p. 356.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 184.

³ См. Е. Б. Ч е р н и к. Приговор веков. М., 1971, стр. 3.

⁴ «The New York Times», 7.III.1942, р. 16.

«деле Муни» как о ярком примере крупномасштабной политической провокации, имеющей целью подорвать репутацию рабочего движения и вынудить его занимать оборонительные позиции⁵.

«Дело Муни — Биллингса» обросло томами всякого рода служебных материалов — записями допросов, протоколами судебных заседаний, свидетельскими показаниями, докладами правительственные комиссий. Огромные архивы оставили многочисленные прямые и косвенные участники этой драматической истории. Не удивительно ли вместе с тем, что вплоть до самого последнего времени интерес американских историков к этому наследию в сущности никак не проявился? Лишь сравнительно недавно с «дела Муни — Биллингса» была снята пелена официального замалчивания. Но в центре внимания, как это имеет место во внушительной по объему работе буржуазного историка Ричарда Фроста⁶, к сожалению, оказались преимущественно юридические аспекты дела. Вот почему можно сказать, что настоящая биография Муни, история его подвига еще не написана. Между тем с именем этого рабочего лидера и движением в его защиту связаны не только важные события в истории американского рабочего движения, но и одна из самых ярких страниц в борьбе за международную солидарность трудящихся.

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Зал судебного заседания Дворца юстиции в Сан-Франциско. Прокурор произносит обвинительную речь, обращенную к присяжным. Голос его звучит на самой высокой ноте «патриотического» регистра: «Мы приближаемся к концу, возможно, самого важного процесса из всех, которые когда-либо слушались в американском суде, не исключая процесса над теми, кто убил бессмертного Линкольна... Если говорить о будущем этой великой Республики, то вопрос стоит так: или вы уничтожите анархию, или анархия уничтожит наше государство»⁷.

Вслушиваясь в рокот прокурорского баритона, Том Муни почти физически ощущал, как поток казенного красноречия уносит его в нереальный мир, в котором все поставлено вверх дном. Линкольн, президент-освободитель, поборник интересов трудового люда, привлечен обвинителем в качестве «свидетеля» против рабочих-активистов. Те же, кто по прямой линии вели свое происхождение от его смертельных врагов — «медноголовых» на Севере и южных плантаторов-рабовладельцев, — необъяснимым образом оказались в стане бескорыстных рыцарей «демократии» и «свободы». Интересно, что сказал бы прокурор Ч. М. Фиккерт, если бы ему предложили сделать выбор между отвергнутой тем же Линкольном волчьею моралью свободно пожирать слабого и добровольным служением делу обуздания тиарии денежного мешка. Можно не сомневаться: в своем кругу он высмеял бы каждого, кто заподозрил бы его в тайном сострадании к простолюдину, трудяге, в поте лица и в бесконечных невзгодах добывающего себе хлеб насущный. Ценить в людях человеческое, их поиски истины и лучшей доли путем совместной борьбы с тяготами рабского труда — что могло быть противоестественней для Фиккерта! Напротив, Муни был подготовлен к этому всем своим жизненным опытом.

Том Муни родился 8 декабря 1882 г. в многодетной семье шахтера угольных копей Индианы, ирландца по происхождению. Детство его прошло в шахтерских поселках, насквозь пропыленных бурой пылью, убогих и вдбавок ко всему изолированных от внешнего мира. Многоязыкое их население (большую часть шахтеров Индианы составляли иммигранты) постоянно бедствовало, подвергаясь непрекращающей эксплуатации по методу «индустриального грабежа», искусством которого в совершенстве овладели шахтovладельцы⁸. С малых лет Том привык, что главная тема разговоров и споров

⁵ См. Г. Х олл. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974, стр. 268.

⁶ R. H. F r o s t. The Mooney Case. Stanford, 1968. Некоторые материалы по «делу Муни» см: «Прогрессивная Америка в борьбе 1917—1973», под редакцией И. М. Краснова. М., 1974, стр. 180—188.

⁷ «The Mooney — Billings Report. Suppressed by the Wickersham Commission». New York, 1932, p. 209.

⁸ См. А. Р о ч е ст е р. Труд и уголь в Америке. М.—Л., 1932; С. М. А скольдова. Начало массового рабочего движения в США. М., 1966, стр. 52—54.

дома и на улице — это вопросы отношений между хозяевами и рабочими. Отец Тома помогал создавать на шахтах округа ячейки ордена «Рыцари труда». Администрация недолюбливала этого юристического ирландца. Кровавые стычки шахтеров с охранниками и наймитами предпринимателей, голодные дни, вечные опасения матери потерять мужа в этих бесконечных стычках, враждебный мир, полный опасностей, жестокости и розни, — вот первые самые сильные впечатления Тома-подростка⁹.

Судьба не пощадила родительский дом Тома. Двое его братьев умерли младенцами, когда же ему исполнилось 10 лет, в возрасте 36 лет туберкулез свел в могилу отца. Чтобы собрать средства на похороны, Мэри Муни продала с аукциона шахтерские инструменты мужа. В поисках кровя и работы она с тремя детьми перебралась в Холиок, штат Массачусетс, где в ирландско-католическом окружении прошли ее девические годы и где родственники и знакомые могли помочь поднять на ноги Тома, Анну и самого младшего Джона. Место подсобной работницы на бумажной фабрике (60 час. работы в неделю всего за 4 долл.) было большой удачей. По крайней мере теперь детям не грозила голодная смерть. В «свободное» время, ночью Мэри занималась стиркой¹⁰. Том, добавив к заработку матери свой «доход» (с 12 лет он подрабатывал повсюду, где только предоставлялась возможность), начал посещать школу при католическом приходе, а в 14 лет был вынужден ее бросить. Мать устроила Тома учеником в литейную мастерскую. Через четыре года он потребовал от хозяина выплатить ему зарплату как квалифицированному рабочему. В этом ему было отказано, и Том перебрался в Ист-Кэмбридж (штат Массачусетс), где не без труда нашел себе работу на большом насосном заводе. В Ист-Кэмбридж Муни приехал уже членом Межнационального союза литейщиков, в котором состоял до конца своих дней. Принадлежность к рабочей организации была всегда предметом его особой гордости. Вскоре Муни избрали членом цехового комитета местного отделения профсоюза. Однако попытка организовать противодействие планам администрации установить более низкие расценки для женщин-работниц стоила ему работы. Вручая уведомление об увольнении, менеджер сопроводил его пожеланием «усвоить урок» и «быть менее задиристым». Муни, не дослушав до конца назидательной тирады, хлопнул дверью.

Начались скитания в поисках работы. Дорожник, сельскохозяйственный рабочий на фермах Канзаса и Дакоты, снова в Холиоке на машиностроительном заводе, а затем в Уотербери, штат Коннектикут, в цехе автомобильных двигателей. Наконец, вагоностроительный завод в Делью, штат Нью-Йорк. Первопричиной столь частой смены мест работы чаще всего становились независимый характер Муни, ненависть к смирению и нежелание работать перед хозяином или надсмотрщиком.

Два момента имели существенное значение для формирования политических взглядов Муни: соприкосновение с социалистическим движением и путешествие в Европу. В начале XX в. штаты Новой Англии, в частности Массачусетс, располагали довольно развитым социалистическим движением. Социалисты имели прочные позиции в профсоюзах, влиятельную печать, а их кандидаты одерживали частые победы на местных выборах¹¹. Быстро росла популярность признанного лидера социалистического движения Юджина Дебса. Нет ничего удивительного, что на первых же выборах, едва получив право голоса, Муни отдал его за список социалистов. Это было в 1904 г. А через два года, скопив немного денег и в очередной раз оказавшись безработным, Мунн решил провести вынужденный «отпуск» в Европе.

Живя на случайный заработок, Муни искалесил Ирландию, Шотландию, Уэльс, всю Англию, а также Францию и Бельгию. Так он оказался в Роттердаме. Неожиданная встреча в картинной галерее с соотечественником Николасом Клейном (автором популярного среди американцев «Первого учебника по социализму») многое переменила в жизни молодого скитальца, не чуждого юношеского романтизма. Кто теперь может сказать достаточно точно, о чем они тогда говорили? Очевидно одно: обсужда-

⁹ «Labor Defender», May 1933, vol. IX, № 5, p. 44.

¹⁰ M. H a l d e m a n - J u l i u s. The Amazing Frame-up of Mooney and Billings. Girard (Kansas), 1931, p. 28—29.

¹¹ H. H. Quin t. The Forming of American Socialism. Origins of the Modern Movement. Columbia, 1953; H. F. B e d f o r d. Socialism and the Workers in Massachusetts, 1886—1912. Amherst (Mass.), 1966, и др.

лось то, что сильнее всего волновало двух соотечественников, неожиданно отыскавших друг друга на людном перекрестке Европы, но сразу же нашедших общий язык. Клейн возвращался на родину из Штутгарта, где он входил в состав американской делегации на конгрессе II Интернационала, сыгравшего, по словам В. И. Ленина, «выдающуюся роль в деле определения тактики социалистических партий»¹². Как известно, на ход Штутгартского конгресса, на его решения и на всех его участников огромное воздействие оказали первая русская революция 1905 г. и геройзм рабочих России¹³.

По общепринятой традиции на Штутгартском конгрессе (в соответствии с уровнем и значением рабочего движения) делегация США была одной из самых многочисленных. В этом факте нашло свое отражение признание вклада американских социалистов в общую борьбу. Действительно, рабочее и социалистическое движение в США к тому времени, несмотря на отдельные трудности и поражения, находилось на подъеме¹⁴. Революционные события в России вызвали в американском рабочем движении прямой отклик. В июне 1905 г. левое крыло профдвижения США создало боевую, классово сознательную организацию — Индустриальные рабочие мира (ИРМ), поднявшую знамя борьбы за массовые революционные производственные союзы¹⁵. I съезд ИРМ принял специальную резолюцию солидарности с борющимися рабочими России. Высоким накалом были отмечены экономические выступления рабочих, особенно в угольной, горнодобывающей, лесной промышленности, на текстильных фабриках¹⁶.

Беседы с Клейном ускорили приход Муни в социалистическое движение. Много позднее, в 1927 г., уже из тюрьмы, он писал, что «никогда, ни одного дня не жалел о нашей (с Клейном.— В. М.) встрече в Роттердаме»¹⁷.

Дальнейшее путешествие по Европе приобрело вполне целенаправленный характер. Муни посетил Берлин, Будапешт, побывал в Швейцарии, Италии и на Сицилии. Условия жизни рабочих, вопросы отношений между трудом и капиталом — вот что интересовало его теперь. Иными глазами смотрел он на мир, в ином свете представлялось ему то, что было скрыто за внешним лоском, романтической прелестью средневековой старины и мирными ландшафтами. Европа, живущая ожиданием мировой войны, страхом перед неизбежными жертвами в будущей схватке империалистических хищников, раздираемая классовыми и национальными конфликтами, Европа, стоящая на пороге революционных потрясений, начисто была лишена той пасторальности, которую щедро обещали путеводители. Муни познал истинную ценность интернационалистской пропаганды социалистов, обращенной к сознанию и сердцу рабочего класса — единственной силы, способной уберечь колыбель цивилизации от кровавой бойни.

Родина, куда он вернулся зимой 1908 г., встретила его очередным экономическим кризисом. Вновь безработица и вновь скитания. Рабочий высокой выучки, человек отменного здоровья и завидного упорства, Том Муни вновь превратился в «хобо», бездомного странника, пустившегося в погоню за миражем земных радостей. Он пересек страну с севера на юг и с юга на запад, прежде чем нашел работу по специальности литеищика на металлическом заводе в Стоктоне, штат Калифорния. Получив первую зарплату, Муни уплатил членский взнос в кассу местной организации социалистической партии и подписался на партийную газету «Appeal to Reason». Вскоре жажда деятельности превращает его в одного из самых активных функционеров партии в Стоктоне. Распространение социалистической литературы, частые выступления на митингах

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 67.

¹³ См. «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 204.

¹⁴ «Report of Socialist Party of the United States to the International Socialist Congress at Copenhagen», 1910, p. 3; I. Kipnis. The American Socialist Movement. 1897—1912. New York, 1952; J. H. Laslett. Labor and the Left. New York, 1970, p. 161—205, 251.

¹⁵ См. Ф. Фонер. История рабочего движения в США, т. III. М., 1966; М. И. Лапицкий. Большой Билл — Уильям Хейвуд (1889—1928).—«Новая и новейшая история», 1974, № 2, стр. 77—97; J. Conlin. Bread and Roses too. Studies of the Wobblies. West Port, 1969.

¹⁶ См. Л. И. Зубок. Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962, стр. 377—470.

¹⁷ M. Haldeman-Julius. Op. cit., p. 32.

с импровизированных трибун сделали его заметной флагой среди ~~сознательных~~ рабочих города. И для местных охранителей «порядка» темноволосый, крепко ~~скрепленный~~, энергичный и решительный молодой рабочий-ирландец, горячий агитатор за идеалы социализма стал буквально бельмом на глазу, нежелательным ~~пр~~шельцем.

В 1908 г. Муни был избран делегатом съезда социалистической партии Калифорнии, который состоялся в Сан-Франциско. Это совпало с очередной избирательной кампанией по выборам президента США. В Сан-Хозе Муни присоединяется к «Красному специальному» агитационному поезду Ю. Дебса, совершающему предвыборное турне по штатам Дальнего Запада. Динамичный и прямодушный, он сразу же сумел завоевать доверие Дебса. В свою очередь общение с Дебсом не только духовно обогатило Муни, но и развило тягу к самообразованию. В Чикаго после окончания агитационной кампании Муни приступает к самостоятельному изучению общественно-политической литературы, с уклоном в историю и теорию социализма. Со свойственным ему упорством и настойчивостью Муни выполняет намеченную программу. 12 часов чтения каждый день, обязательное посещение воскресных лекций — вот учебный «семестр» Муни с ноября 1908 г. по март 1909 г. Но сбережения быстро растаяли, и весной Муни вынужден был покинуть гостеприимный Чикаго.

Примерно в это время журнал социалистической партии «Willshire's Magazine» объявил среди своих распространителей конкурс с целью привлечения новых подписчиков. Приз победителю — кругосветное путешествие. Включившись в конкурс, Муни был близок к победе в этом своеобразном соревновании, но в конечном итоге оказался вторым. Однако общий результат был столь значителен, что редакция журнала решила специально для Муни учредить второй приз. Наградой был гостевой билет на Копенгагенский конгресс II Интернационала, открытие которого состоялось 28 августа 1910 г.

Копенгагенский конгресс явился одним из самых представительных форумов международной социал-демократии накануне первой мировой войны. В состав русской делегации вошли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и др. Среди делегатов были Р. Люксембург, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Д. Благоев, Ж. Гед, Ж. Жорес, К. Гарди, К. Гайндман, Г. Квелч, У. Хейвуд. Находиться рядом с ними, следить за жаркими дебатами было и большой честью и великолепной школой интернационального воспитания. Сохранилась фотография, на которой Муни запечатлен стоящим в группе делегатов конгресса; ступенькой выше — К. Цеткин, чуть левее — А. Коллонтай, У. Хейвуд, М. Хилквит. Для американского социалиста существенное значение имели все решения конгресса: о борьбе против милитаризма и опасности войны¹⁸, о взаимосвязи социалистического и кооперативного движения, о профсоюзном единстве, о борьбе с безработицей и рабочем законодательстве. Думал ли тогда Муни, что¹⁹ внесенная Кларой Цеткин и принятая конгрессом резолюция «О смертной казни», разоблачающая террор буржуазии, будет иметь к нему самое прямое отношение?

Угадать собственную судьбу — кому это дано? Но перед мысленным взором Муни не могли не встать эпизоды жарких схваток рабочей Америки с капиталом: классовые бои в штатах Колорадо, Пенсильвании и Айдахо в 1903—1904 гг., в которых число убитых и раненых исчислялось сотнями человек; лихечивание профсоюзных активистов, процесс над Хейвудом, Майером и Петтибоном, всколыхнувший всю страну и вызвавший массовые демонстрации рабочих; стачки Голдфилда (штат Невада), а в 1907 г. «улаженные» штыками солдат регулярной армии; наконец, драматические события, связанные с одной из самых поразительных в истории Америки попыток претворить в жизнь «бильль о правах» — борьба рабочих за свободу слова, начавшаяся в 1908 г. в Калифорнии по инициативе ИРМ²⁰.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 185; «Борьба за мир. Материалы трех Интернационалов». М., 1967, стр. 88.

¹⁹ См. «История Второго Интернационала», т. II, стр. 331.

²⁰ См. Ф. Фонер. История рабочего движения в США. т. IV. М., 1969, стр. 149—185. I. B. Cross. A History of the Labor Movement in California. Berkeley, 1935; G. Adams. Age of Industrial Violence, 1910—1915. New York, 1966.

Остановившись по дороге домой с Конгресса неподало в Лондоне и нанеся «визит» английским лейбористам, собравшимся на свой ежегодный съезд, Муни возвращается в Калифорнию. Ему 27 лет, он один из наиболее энергичных и решительно настроенных лидеров левого крыла местной организации социалистической партии. Сама же партия, несмотря на внутренние трения, является весьма впечатлительной силой в политической жизни штата. В рабочих кварталах Сан-Франциско за нее голосовало 25% избирателей. Ее кандидат Стит Уилсон в 1911 г. избран мэром Беркли, в Лос-Анджелесе социалисты в блоке с профсоюзами «на равных» ведут борьбу с буржуазными партиями²¹. Имя Муни все чаще появляется в местной политической хронике: он баллотируется по спискам социалистической партии на должность шерифа, затем судьи. Однако рассчитывать на особое расположение со стороны партийного руководства Муни не приходилось. В пошиблизме социалистических лидеров и в их желании примирить классы-антагонисты в «высшей гармонии» он видит проявление, в лучшем случае, наивного прекраснодушия. Мещанский общественный идеал, который отстаивали калифорнийские проповедники «социализма пара и воды», их политический оппортунизм претили ему, и Муни не стеснялся говорить об этом открыто, во весь голос. Ему больше по душе был классовый подход, воинственность и суровая трезвость левого крыла социалистов Сан-Франциско, сторонников марксизма.

В мае 1911 г. группа левых социалистов, и среди них Муни, стала издавать свой собственный печатный орган *«Revolt»* — «голос боевых рабочих», выход которого горячо поддерживали Ю. Дэбс и Джек Лондон. Ведущим автором еженедельника был социалист Остин Льюис, на работах которого сильнее всего сказалось влияние голландского трибуниста-интернационалиста А. Паннекука. Муни спачала стал директором-распорядителем, а затем официальным «издателем» журнала. *«Revolt»* пропагандировал идеи «производственного тред-юнионизма, классовой сознательности и международной пролетарской солидарности»²². Милитаризм и военные приготовления решительно осуждались. Деятельность ИРМ получала самое дружественное освещение, об анархистах же обычно писалось сдержанно и холодно. Вообще *«Revolt»* не только никогда не выступал в защиту индивидуального террора, но и не поддерживал любые другие безответственные действия, могущие нанести вред рабочему движению.

Конфликт с правыми социалистами в связи с изданием еженедельника обострился. Вскоре возмущенный засильем махровых оппортунистов в руководстве калифорнийской организации социалистической партии, возглавлявшейся Джабом Гариманом, и превращением ее аппарата в механизм по подыскиванию «теплых» местечек для партийных чиновников, Муни выходит из нее. Двумя годами раньше из социалистической партии в Сиэтле по тем же мотивам вышел молодой профсоюзный вожак У. Фостер. И это — не случайное совпадение. После краткого пребывания в ИРМ, разочарованный в практике двойного юнионизма (создание параллельных профсоюзных центров), Фостер всю свою энергию обращает на создание Синдикалистской лиги Северной Америки. Он против междуусобицы в рабочем доме, за сохранение профсоюзного единства, но на платформе последовательной борьбы за его обновление на революционных принципах под лозунгом производственного тред-юнионизма²³. Муни с жадностью впитывает все, что до него доходит об этой новой инициативе.

Разрозненные группы левых социалистов — и те, которые еще оставались в партии, и те, которые после очередного серьезного кризиса в 1912—1913 гг. вышли из нее, — настойчиво искали путь к консолидации. Муни был одним из тех, кто, подобно Фостеру, тогда полагал, что кратчайшая дорога к единству лежит в переносе центра тяжести всей деятельности в сферу сориентированных на социалистические цели синдикатов, которые, не противопоставляя себя старым тред-юнионам, смогут подготовить их к роли основного рычага революционного преобразования общества. Увлечением революционным синдикализмом переболели тогда многие левые. В известном смысле это была неизбежная реакция на чрезмерные упования руководства социалистического

²¹ W. Bean. Idea of Reform in California.—«California Historical Society Quarterly», Fall 1972, vol. LI, № 3, p. 213—216.

²² R. H. Frost. Op. cit., p. 16.

²³ O. C. Джонсон. День грядет. М., 1963, стр. 92; W. Z. Foster. American Trade Unionism. New York, 1947, p. 15 ff.

движения на силу избирательного бюллетеня, отчасти — дань времени, прошлого, глубы от которого кое у кого оставались надолго.

Пути Фостера и Муни сошлись. Все еще не зная друг друга лично, они оказались в одном лагере революционных синдикалистов. Муни создает в Сан-Франциско филиал Синдикалистской лиги, привлекая в него членов местного отделения № 164 Межнационального союза литейщиков. В 1912 г. он признанный лидер левого крыла этого союза, пославшего его, несмотря на все ухищрения руководства, представлять своих членов в Совете тред-юнионов Сан-Франциско. Появление там Муни и его деятельность произвели впечатление сквозняка, ворвавшегося в душное, наглое закрытое помещение. Реакционные лидеры, заседавшие в Совете тред-юнионов, почувствовали себя рядом с молодым бунтарем крайне неуютно. Американский историк Р. Найт в солидном труде, специально посвященном проблеме классовых взаимоотношений в Сан-Франциско в 1900—1918 гг., пишет: «Муни в свои неполные 30 лет был напористым и энергичным человеком, который начал раздражать лидеров профсоюзов города агрессивной пропагандой в защиту производственного юнионизма, радикальной критикой царивших в руководстве американских профсоюзов порядков и защитой принципов бескомпромиссной классовой борьбы»²⁴. «Агитатор», «опасный красный» — эти эпитеты все чаще стали употребляться рядом с его именем.

В том же 1912 г. Муни избирается делегатом на съезд Межнационального союза литейщиков в Милуоки. Поведение Муни на съезде оправдало худшие опасения его врагов. Он без околичностей предложил покончить с цеховщиной и перестроить союз на основе производственного принципа. Заклеймив все формы политической коррупции, превратившей АФТ в придаток буржуазных партий, Муни потребовал внесения в устав союза поправки, запрещавшей его членам вступать в Национальную гражданскую федерацию — проводник «классового мира» в промышленности, и в реакционные религиозные общества²⁵. Наконец, диссонансом привычным речитативам во славу коллективных договоров и компромиссов прозвучали с трибуны съезда выступления Муни, отличающие предпринимателей как коварных и жестоких врагов, не брезгующих самыми грязными методами борьбы с рабочим движением. Молодой У. Фостер, освещавший работу съезда литейщиков на страницах *«International Socialist Review»*, писал о большом впечатлении, которое произвели на съезд прямота, смелость и напористость Муни²⁶.

С самого начала нельзя было рассчитывать, что делегаты съезда, подобранные консервативными лидерами союза, поддержат предложения Муни, но рядом с примелькавшими записными ораторами, жаждущими только одного — «попасть в тон», энергичный, самостоятельно мыслящий и мужественный возмутитель спокойствия из Сан-Франциско представлял собой явление незаурядное и многообещающее. Сегодня он знаком еще немногим, а что будет завтра?²⁷ Молодой и энергичный Муни стал лидерам калифорнийской делегации, что называется, поперек горла. Тогда они занялись распространением клеветнических слухов, рисуя его чуть ли не врагом профсоюзов и сутягой. Муни парировал этот выпад, телеграфно попросив местное отделение союза подтвердить его незапятнанную репутацию. Ответ пришел немедленно. Союз еще раз выразил свое полное доверие Муни и информировал съезд о том, что тот «является честным и преданным профсоюзу человеком»²⁸. Ответная телеграмма в адрес съезда, зачитанная на одном из заседаний, вызвала бурное одобрение делегатов. Клеветники были посрамлены.

Между тем Муни не только не искал примирения, но и сам решительно контратаковал. После съезда он изучил условия труда на всех современных литейных предприятиях Востока и утвердился в мысли, что сдвиги в технологии производства властно диктуют переход от цеховщины к производственному тред-юнионизму. Вернувшись

²⁴ R. E. L. Knight. *Industrial Relations in the San Francisco Bay Area, 1900—1918*. Berkeley, 1960, p. 269.

²⁵ См. Ф. Фонер. История рабочего движения в США, т. III, стр. 127.

²⁶ W. Z. Foster. *The Molders' Convention*. — «International Socialist Review», December 1912, p. 486.

²⁷ M. Haldeman-Julius. Op. cit., p. 38.

²⁸ R. H. Frost. Op. cit., p. 18.

в Сан-Франциско, он направил свой доклад членам местного отделения союза. Необходимы реорганизация, разрыв с архаичной цеховщиной, перестройка союза на основе его демократизации и вовлечения всех рабочих, занятых в данной отрасли, — такова была основная мысль доклада. По тому времени она звучала необычайно революционно. Позиции сторон оказались абсолютно несовместимыми, компромиссы исключались. Муни открыто пригрозили суворой расправой, «если он не успокоится»²⁹.

Тут мы должны ввести в наше повествование еще один персонаж, который сыграл немалую роль в трагической судьбе Муни. О нем уже вскользь шла речь. Это Чарльз Мэррон Фиккерт, уроженец Калифорнии, сын скотопромышленника средней руки, сколотившего состояние в благословенные годы скваттерства и золотой лихорадки. Воспитанный в традициях коммерческой этики приисковых салунов, выпускник аристократического Стэнфорда, молодой Фиккерт, ставил перед собой чрезвычайно амбициозные цели: стать бровень с сильными мира сего. Добиваясь их, он не брезговал никакими средствами. Завоевывая признание снобистской элиты Стэнфорда, он делает ставку на крепость своих мышц и вскоре становится «звездой» университетской футбольной команды. Гарвардские тренеры пытаются переманить его к себе, но Фиккерт отвергает лестное предложение и остается в Стэнфорде³⁰. Начало испано-американской войны дало ему еще один великолепный шанс для демонстрации высоких «патриотических чувств». По примеру Теодора Рузельта он формирует эскадрон кавалерии, готовый «по первому сигналу президента» ринуться в бой под звездно-полосатым флагом. Неясно, были ли «лихие наездники» Фиккерта живыми людьми или только чисились таковыми на бумаге. Война вскоре окончилась, а вместе с ней отпала и надобность в отваге калифорнийских рейнджеров, но эффективное изъявление преданности «американизму» не могло остаться незамеченным. Положение Фиккерта еще более упрочилось в 1905 г. после его женитьбы на дочери крупного администратора всемогущей Южно-Тихоокеанской железной дороги (Эс-Пи-Лайн).

В 1909 г. друзья и патроны Фиккерта, игравшие ведущую роль в финансово-промышленной олигархии Сан-Франциско, используя избирательный механизм так называемой Профсоюзной рабочей партии, созданной на базе консервативных тред-юнионов в 1901 г., выдвигают его в качестве общего кандидата правых сил на выборах окружного прокурора. «Способный человек здесь был не нужен, — писал позднее видный руководитель компартии США Роберт Майнор — требовался просто мальчик на побегушках, который бы послушно исполнял приказы Объединенной железнодорожной компании» (дочернего предприятия Эс-Пи-лайн. — В. М.)³¹. Хозяева компаний контролировали ключевые позиции в городской экономике и, опираясь на собственную мощь, стремились поставить под свой контроль городские власти, не мигдалничая и не скучая на затраты. Чем должен был заплатить Фиккерт за оказанные ему благодеяния и честь? Прежде всего от него ждали прекращения расследования скандальных дел о взяточничестве и подкупах муниципальных чиновников, лихорадивших Сан-Франциско уже много лет и доставлявших массу беспокойства коммерческим кругам³².

Одержав победу, Фиккерт принялся платить по счетам. Уже в феврале 1910 г. он потребовал прекращения всех дел о взятках и подкупах за «отсутствием улик». Тем, кто бурно выражал недовольство и намекал на тайные связи окружной прокуратуры с корпорациями, пригрозили преследованием за клевету. Угроза подействовала, критики прикусили языки. В глазах класса собственников Фиккерт полностью оправдал возлагаемые на него надежды. Судовладельцы и торговцы-оптовики обнаружили в нем верного союзника в своей антистачечной политике на морском транспорте и в доках³³. Он был подлинной находкой и для вдохновителей нового движения «бдительных»,

²⁹ «Labor Leaders Betray Tom Mooney». San Francisco, 1931, p. 20; M. H a l d e m a n - J u l i u s. Op. cit., p. 68.

³⁰ «U. S. Congress. House of Representative. Hearings before Subcommittee of the Committee on the Judiciary. Tom Mooney». Washington, 1938, p. 89.

³¹ «Labor Defender», July 1935, vol. XI, № 7, p. 12.

³² F. Old e r. My Own Story. San Francisco, 1919; W. B e a n. Bose Ruef's San Francisco. Berkeley, 1952; Fr. H i c h b o r n. «The System» As Uncovered by the San Francisco Craft Prosecution. Montelair, 1969.

³³ R. H. Frost. Op. cit., p. 61.

зnamя которого было поднято Торговой палатой Сан-Франциско. Идеи выкорчевывания левых течений и группы в рабочем движении, превращения Калифорнии в штат «открытого цеха», штат без профсоюзов, слежки и тайного подрыва тренд-юнионов Финкерт воспринял как свои собственные. Система промышленного шпионажа и антирабочих провокаций, широко внедрявшаяся местными корпорациями с помощью частных сыскных агентов ПинкERTона и Бернса, получила в его лице надежное легальное прикрытие и опору. Целое воинство частных детективов и наемных головорезов лепилось вокруг окружной прокуратуры³⁴. Среди них преобладали отпетые авантюристы, за деньги согласные на все. Мартин Свэнсон — так звали одного из них.

КАЛИФОРНИЙСКАЯ «ИДИЛЛИЯ»

Среди штатов Дальнего Запада, экономически поднявшихся во второй половине XIX в. на золотоносных песках и предпринимательском грундерстве, Калифорния занимала особое место. Если обыватель представлял себе Америку воплощением подлинной утопии, то невероятные слухи о легком и всеобщем обогащении, духе вольницы, взаимопомощи и товарищества, господствующих в старательских общинах Калифорнии, создали легенду о «демократическом рае» приисковых поселков, о счастье новой стихийно возникшей цивилизации, якобы не знающей угнетения, неравенства, злоупотреблений властью и продажности чиновничества. В действительности же необычайный даже для Америки темп колонизации и обживания захваченных у Мексики земель сопровождался ошеломляющим по размерам и цинизму беззаконием, попранием всяких правовых и этических норм, ограблением и созданием всесильного консорциума хозяев крупнейших состояний, диктующего властям угодные ему порядки. Этому способствовала своеобразная нравственная атмосфера, установившаяся на легендарном побережье, в которой преступление принималось за геройство, а жульничество — за предпринимательство.

Современный американский историк Р. Дженини пишет: «Так часто развенчиваемый и поспешно вновь восстанавливаемый романтический образ Калифорнии, изображаемой мирным пасторальным уголком, таит в себе безобразную историю насилия, деградации, преступления, скандалов и дискриминации. Бунты и гражданские войны, бандитизм, расовые мятежи, кровавые военные экспедиции ради истребления индейцев, марширующие армии безработных, взрывы бомб террористов — вот какой мы знаем Калифорнию»³⁵. Разумеется, во всех этих пороках были повинны не уникальный климат Калифорнии и необузданый нрав переселенцев, а необычайно благоприятные для полновластного хозяйственника бизнеса экономические условия. Особая роль в превращении властей городов и штатов в простых регистраторов воли корпоративного богатства принадлежала железнодорожным магнатам, судовладельцам, цементным королям, лесопромышленникам и хозяевам коммунальных предприятий, контролировавших электроснабжение, городской транспорт и средства связи, водо- и газоснабжение. Интересы капитала представляли необычайно влиятельные, даже по меркам, существовавшим в США, и агрессивно настроенные Торговая палата Сан-Франциско и местные ассоциации торговцев и предпринимателей. «Калифорния, подобно многим своим соседям на рубеже столетия, — пишет американский буржуазный историк Дж. Маур, — имела лишь тень представительного правительства, в то время как реальная власть принадлежала в значительной степени Южно-Тихоокеанской железнодорожной компании»³⁶. Разоблачение продажности городских чиновников — от мэра и советников муниципалитета до мелких канцеляристов, которые все оказались на хлебах у корре-

³⁴ Ibid., p. 9; «U. S. Congress. House of Representative... Tom Mooney», p. 57—58.

³⁵ R. Genini. Industrial Workers of the World and Their Fresno Free Speech Fight, 1910—1911.—«California Historical Society Quarterly», Summer 1974, vol. LIII, № 2, p. 101.

³⁶ G. E. Mowry. The California Progressive. Berkeley — Los Angeles, 1951; p. 9; W. H. Hutchinson. Southern Pacific: Myth and Reality.—«California Historical Society Quarterly», December 1969, vol. XLVIII, № 4, p. 330—331.

ции, — принесло лишь временную победу сторонникам «чистой политики»³⁷. После шумного процесса стараниями Фиккера дело было прекращено.

Использование в качестве полицейской силы уголовной мафии и провокационные акции против рабочих стали мрачной достопримечательностью штата³⁸. Едва стоило вспыхнуть стачке, как на сцене появлялись рекруты хозяев, наемные банды, а воздух начинал сотрясаться от таинственных взрывов. Роберт Майнер в серии обличительных статей о бесчинствах наемников корпораций беспощадно высмеял этот обычай изображать рабочих-стачечников бандитами и террористами, приписывая им заговоры против имущества компаний и безопасности граждан. «У Калифорнии, — писал он в январе 1917 г., — есть чем поразить воображение новичка. Это либо гигантские секвойи, либо прекрасный климат, либо другие чудеса, которыми так богат штат. Но всего удивительнее формы, которые принимает здесь борьба между трудом и капиталом. С некоторых пор в каждом трудовом конфликте непременно участвует привидение. Оно появляется в образе «чемодана». Этот чемодан вездесущ, его присутствие ощущается почти в каждой стачке. Иногда он сделан из желтой кожи, иногда из иссиня-черной, но чаще всего материалом для него служат кошмарные видения, и тогда он — плод чистой фантазии. Но в том или ином виде чемодан является неотъемлемым атрибутом Калифорнии. В тех случаях, когда он фигурирует как некая материальная субстанция, а не создан силой воображения, это значит, что он принадлежит агенту корпораций и набит динамитом»³⁹.

Отношения между трудом и капиталом в штате с конца XIX в. всегда складывались крайне напряженно. В результате лобовой атаки предпринимателей и властей на профсоюзы в начале XX в. в Сан-Франциско и других крупных городах последние оказались на грани исчезновения. Но краха удалось избежать путем создания в 1901 г. единственной в своем роде Профсоюзной рабочей партии Сан-Франциско, одержавшей на местных выборах ряд эффективных побед. Этот перечень открыло двукратное избрание мэром города Юджина Э. Шмитца — председателя союза музыкантов. Позиции местных союзов АФТ усилились, но какой ценой!.. Корпорации нашли самый верный и короткий путь приручения «рабочих вождей» — подкуп, взятки, тайное участие в прибылях, полученных методом прямого обмана рядовых налогоплательщиков. Шмитц и компания оказались «героями» скандального «дела о взяточничестве». Расколом рабочее движение Калифорнии на два лагеря, оно по разные стороны баррикад развело его лидеров. У Фиккера наплывала масса поклонников в профсоюзной верхушке⁴⁰.

Вернувшись в Калифорнию в 1910 г., Муни без колебаний встает в ряды классово сознательных элементов, ведущих беспощадную войну на два фронта: с новым наступлением предпринимателей на профсоюзы и с продажностью кучки высших профсоюзных чиновников, захвативших ключевые посты в Федерации труда Калифорнии (АФТ) и Рабочем совете Сан-Франциско. В сложившихся условиях, когда каждая, даже самая мелкая стачка выливалась в испытание жизнеспособности рабочего движения, Муни считает своим долгом быть в гуще событий, не пропустить ни одного выступления рабочих Сан-Франциско, где он может быть полезен как организатор и агитатор. В самом городе скопился огромный горючий материал — следствие нещадной эксплуатации и безработицы⁴¹.

... Утром 27 декабря 1913 г. Муни и двое его товарищей Браун и Хэнлон (который на свою беду хранил в кармане членский билет ИРМ), участвовавшие в стачке рабочих компании «Пасифик гэс энд электрик», были арестованы вблизи г. Ричмонда (графство Контра Коста). Они спускались к бухте, в которой с вечера оставили старую рыбачью лодку. Встретившие их полиция и люди шерифа на глазах у изумленных Муни и его

³⁷ S. C. Olin. California's Prodigal Sons. H. Johnson and the Progressives. Berkeley, 1968; Th. G. Patterson. California Progressives and Foreign Policy. — «California Historical Society Quarterly», December 1968, vol. XLVII, № 4, p. 329.

³⁸ См. Ф. Фонеर. История рабочего движения в США, т. III, стр. 279—280.

³⁹ «International Socialist Review», January 1917, p. 424.

⁴⁰ «Labor Leaders Betray Tom Mooney», p. 13—14.

⁴¹ A. Averbach. San Francisco's South of Market District, 1850—1950. The Emergence of a Skid Row. — «California Historical Society Quarterly», Fall 1973, vol. LII, p. 206.

зрузей, собиравшихся порыбачить на реке Сан-Хоакин, извлекли из утлого суденышка целый арсенал огнестрельного оружия — винтовки, пистолеты, патроны. Пресса Контра Кости и Сан-Франциско писала потом, что обнаруженной «взрывчатки» было вполне достаточно, чтобы поднять на воздух целый город. Все, кто читал газеты, узнали, что арестованные «ирмовцы» планировали подорвать главные опоры высоковольтной линии передач, принадлежащей «Пасифик гэс энд электрик» и питавшей электроэнергией Сан-Франциско и его окрестности⁴². Намеки и догадки о существовании общего плана восстания против собственности, нити которого якобы ведут к руководителям местных организаций ИРМ и к Муни, должны были повергнуть обывателя в страх.

Суд присяжных в Мартинице (главный город графства Контра Коста), счтя все объяснения полиции о происхождении оружия мало разумительными, оправдал Муни и его товарищей. Летом 1914 г. они были освобождены из тюрьмы. Мартин Свэнсон и его патроны проиграли этот раунд, но своего поражения не признали, и это ничего доброго не предвещало. Много позднее адвокат Муни на процессе в Мартинице Максуэлл Макнэтт под присягой рассказал о разговоре, который он имел с доверенным лицом «Пасифик гэс энд электрик» Барретом, представлявшим обвинение на процессе. Тоном, принятым среди чикагских гангстеров, он бросил: «Ладно, Макс, на этот раз ты выручил этого... (здесь следовало непечатное выражение.— В. М.), но мы поставили на нем красное клеймо и постараемся пришить ему «дело»⁴³. Речь шла о Муни, клиенте Макнэтта. Рядом, ухмыляясь, стоял Свэнсон.

Большую роль в освобождении Муни сыграла Международная лига защиты рабочих (МЛЗР), организованная в Сан-Франциско в 1912 г. по примеру многих других промышленных городов с целью оказания поддержки левым и прогрессивным деятелям рабочего движения, ставшим жертвой полицейских провокаций и террора предпринимателей.

Выходя из тюрьмы, Том Муни стал секретарем МЛЗР. Но так уже случилось, что, едва войдя в курс дела, он столкнулся с необходимостью «выручать» самого себя. В конце сентября 1914 г. бдительные охранники Эс-Пи-лайн задержали вблизи Стоктона некоего Эмерсона с чемоданом, доверху набитым динамитными шашками. В городе в это время разгорелся острейший конфликт между профсоюзами и местной Ассоциацией торговцев и промышленников. После того как выяснилось, что задержанный частный детектив ассоциации, его подозрительные передвижения со смертоносным грузом стали наводить на мысль о попытке подстроить, а затем приписать «экстремистам» из рабочих союзов какой-нибудь очередной террористический акт. Подозрения усилились после того, как полиция, допросив Эмерсона, сразу же отпустила его на все четыре стороны и даже отрицала сам факт ареста.

Обнаружив признаки завязки крупной провокации, МЛЗР решила вмешаться и поручила Муни и Эду Нолану разобраться во всем на месте. Собрав необходимые данные и пригрозив полицейским властям возбуждением против них судебного дела по обвинению в укрывательстве преступления, Муни и Нолан добились повторного ареста Эмерсона. В этот раз на следствии он показал, что его целью было устройство взрывов в Стоктоне. Вину же предполагалось возложить на местных профсоюзных воожаков — Антона Иохансена, Олафа Твитто и... Тома Муни. Но и на этот раз Эмерсон вышел сухим из воды. Адвокат, нанятый Ассоциацией торговцев и промышленников Стоктона, добился от суда оправдательного приговора «за недостатком улик». Было ясно, что действия этого проходимца направляет чья-то длинная рука⁴⁴. Однако привычка к опасности притупляла чувство тревоги, к тому же во множестве других случаев, когда требовалось заступничество МЛЗР, Муни неизменно приходилось сталкиваться с риском расплаты за настойчивые поиски справедливости. Джон О'Коннел, секретарь Рабочего союза Сан-Франциско, назвал отважные действия Муни оскорбительными для властей и выразил убеждение, что тот вскоре снова окажется за решеткой⁴⁵.

⁴² M. Haldeman-Julius. Op. cit. p. 65—66.

⁴³ «U. S. Congress. House of Representative... Tom Mooney», p. 39; «The Mooney — Billings Report...», p. 44.

⁴⁴ M. Haldeman-Julius. Op. cit., p. 69; R. H. Frost. Op. cit., p. 55—56.

⁴⁵ R. H. Frost. Op. cit., p. 42.

Может быть, кто-нибудь и прислушался бы к этим «предостережениям», но только Муни! Ему казалось, что думать о дипломатии и обходительности неуместно и постыдно, когда правящий класс обрушил на рабочее движение град жестоких репрессий. Апатия, вызванная отчаянием или усталостью, не так опасна, как безразличие, которому ищут оправдание в соображениях «тактической необходимости».

Приближалось 19 ноября 1915 г.— день казни Джо Хилла (Джозефа Хилстрома), пламенного рабочего агитатора, осужденного на смерть судом штата Юта по ложному обвинению в убийстве⁴⁶. Все доводы в поддержку отмены приговора были исчерпаны и не дали никаких результатов. Губернатор Юты Спрай был непреклонен, всячески афишируя свою «твердость» и пренебрежение нормами права. Полагая, что дальнейшие увещевания бесполезны, Муни от имени МЛЗР и 53 рабочих организаций Сан-Франциско 27 сентября 1915 г. направил губернатору послание, нарочито угрожающее тон которого он считал оправданным всеми обстоятельствами дела Джо Хилла, а главное — катастрофически приближающимся днем казни⁴⁷. Горы петиций мертвым грузом лежали на столе губернатора Спрая, должно быть, только вселяя в него уверенность в своей безнаказанности. Думал ли Муни, что совсем скоро эта телеграмма Спраю будет фигурировать на его собственном процессе в качестве косвенной улики его «злонамеренности»?

Хорошо известно, что съезд АФТ в Сан-Франциско, собравшийся в ноябре 1915 г. принял резолюцию, в которой констатировалось, что Хиллу не было обеспечено беспристрастное судебное разбирательство, и содержалось требование пересмотра дела. Съезд поручил президенту АФТ С. Гомперсу сообщить об этом решении губернатору штата Юта, Совету по помилованию, шведскому посланнику и президенту США. Менее известно, что докладчиком по делу Хилла 15 ноября на съезде выступал Том Муни, который и был одним из инициаторов последнего демарша⁴⁸.

Увы, все оказалось напрасным. Рано утром 19 ноября 1915 г. Джо Хилл был расстрелян. Четыре пули сразили поэта, но не убили твердую веру в конечное торжество справедливости и оставили живым великий пример преданности идее. «Дело Джо Хилла» духовно закалило Тома Муни. В его понимании бездеятельность и смиренение становятся самым страшным злом, насаждаемым профсоюзной бюрократией в рабочей среде. Искать и обязательно найти противоядие этому злу — задача номер один для каждого, кому дороги судьбы рабочего движения, его престиж, честь и достоинство.

Руководствуясь этими настроениями, Муни с энтузиазмом поддерживает идею создания «революционной рабочей газеты» в Сан-Франциско, одним из ведущих авторов которой и художником-карикатуристом вскоре стал Роберт Майнор. Название «Blast» («Взрыв») дал ей редактор-анархист Александр Беркман, но большая часть помещаемых в ней материалов имела мало общего с анархистскими догмами. Борьба против милитаризма и военных приготовлений, политики империалистического грабежа, отпор новому наступлению предпринимателей на права профсоюзов, защита стачечников от организованного штрайкбрехерства и полицейских репрессий, разоблачение говора верхушки профсоюзов с монополиями — вот главные ее темы выступлений.

Весной 1916 г. алчущие с начала мировой войны не упустить свою долю прибылей союзы предпринимателей Сан-Франциско с небывалым ожесточением занялись травлей профсоюзов, вставших им поперек горла своими требованиями держаться «в рамках» и уважать интересы рабочих. По мере развертывания кампании в защиту «открытого цеха» и уничтожения профсоюзов атмосфера в городе непрерывно стушевалась. Стачка докеров Сан-Франциско, начавшаяся в первых числах июня 1916 г., подняла внутреннее давление до опасной черты.

Кто победит в этой войне? Быть или не быть профсоюзам в Сан-Франциско? Так в сущности стоял вопрос летом 1916 г.⁴⁹ Общественный транспорт, городской трам-

⁴⁶ Ф. Фонер. Дело Джо Хилла. М., 1970, стр. 12.

⁴⁷ R. H. Frost. Op. cit., p. 43.

⁴⁸ См. Ф. Фонер. Дело Джо Хилла, стр. 82.

⁴⁹ «International Longshoremen's and Warehousemen's Union. The ILWU Story». San Francisco, 1955, p. 7; M. Haldean - Julius. Op. cit., p. 72; E. J. Hopkins. What Happened in the Mooney Case. New York, 1931, p. 5; Ph. Taft. Labor Politics American Style: The California State Federation of Labor. Cambridge (Mass.), 1968, p. 59.

вой, стал основной ареной борьбы. Организовать профсоюз рабочих-трамвайщиков означало выиграть целое сражение. Новый союз позволил бы рабочему движению осуществить контроль над важной сферой городской жизни и в случае необходимости реально влиять на позиции муниципальных властей. Так рассуждал Том Муни, когда в начале июня при поддержке руководства Объединенной ассоциации рабочих городских железных дорог (АФТ) и при содействии У. Биллингса, своей жены Рены Муни и группы единомышленников тайно, скрываясь от бездесущих детективов Объединенной железнодорожной компании Сан-Франциско, приступил к агитации среди рабочих трамвайщиков⁵⁰.

Вечером 10 июня Муни провел первое собрание стачечников, а наутро стало известно, что около 3 часов ночи неизвестные террористы предприняли попытку взорвать три опоры высоковольтной линии электропередачи в 10 милях от Сан-Франциско, на холмах Сан-Бруно (графство Сан-Матео). Опять «чемодан»! Линия питала город и силовые подстанции Объединенной железнодорожной компании. Ущерб был небольшой, что наводило на мысль о повторении практиковавшихся ранее самой компанией провокаций. Подозрительным было также и то, что злоумышленники не оставили после себя решительно никаких следов, словно речь шла не о живых людях, а о призраках, способных появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Компания пообещала щедрое вознаграждение в 5 тыс. долл. за сведения о диверсантах. Президент же в циркулярном письме служащим сразу же назвал имя человека, кто был, по мнению владельцев компании, виновен в покушении на ее собственность: Том Муни — и никто другой⁵¹.

Муни, должно быть, неверно рассчитал момент объявления стачки рабочих-трамвайщиков в защиту права на существование профсоюза, назначив ее на 14 июля. Руководство Рабочего совета города не поддержало стачку⁵². Зная о ней заранее (за каждым шагом Муни давно велась слежка), компания сняла с линии «неблагонадежных» рабочих и приняла ряд других мер предосторожности. Ничего кроме шумной сенсации для вечерних газет из отчаянной попытки Муни, Биллингса и Рены Муни убедить кондукторов и вагоновожатых бросить работу не получилось. Газеты сделали Муни «занеменитым». Его узнавали на улицах. Выручая товарищей, Муни постоянно павещал полицейские суды.

Пару дней спустя тучный светловолосый человек остановил «джитни» (дешевое маршрутное такси) Вейнберга на Филмор-стрит и попросил доставить его в пригород Сан-Франциско. После незначащего разговора пассажир предложил Вейнбергу стать обладателем премии Объединенной железнодорожной компании (5 тыс. долл.) в обмен на сущую безделицу: от него требовалось только сообщить «косвенные улики» причастности Тома Муни к взрывам на холмах Сан-Бруно. Вейнберг отверг эту сделку. Взвешенный его отказом таинственный собеседник Вейнберга грузно вылез из автомашины, сунув в руку водителя пятицентовую монету. «Я еще рассчитаюсь с тобой», — буркнул он на прощание. Этим человеком был Мартин Свэнсон⁵³, один из руководителей службы безопасности коммунальных компаний Центральной Калифорнии.

18 июля с таким же предложением Свэнсон обратился к Биллингсу, предварительно разыскав его и пообещав устроить на работу в гараж «Пасифик гэс энд электрик». Результат этой встречи ничем не отличался от предыдущей. И Вейнберг, и Биллингс рассказали Муни о своих беседах с давним его преследователем. Том мог сделать для себя безошибочный вывод: кольцо начинает сжиматься.

⁵⁰ M. Haldeman-Julius. Op. cit., p. 75.

⁵¹ R. H. Frost. Op. cit., p. 74.

⁵² Ph. Taft. Op. cit., p. 64.

⁵³ «U. S. Congress. House of Representative... Tom Mooney», p. 53; «The Mooney-Billings Report...», p. 37—38.

«ПАРАД ГОТОВНОСТИ»

Причиной вспышки классовой розни и политических разногласий в Сан-Франциско в 1914—1916 гг. были не одни только трудовые конфликты и попытка буржуазии раздавить профсоюзы. Не меньшее значение имели противоречия, связанные с различным подходом к вопросу об участии США в мировой войне, которая полыхала в Европе с августа 1914 г. Неожиданно для многих Калифорния превратилась в арену бушующих страстей, где интересы милитаристов и антимилитаристов сталкивались сильнее всего⁵⁴.

Барабаны военных приготовлений в «солнечном штате» начали мерно выбивать дробь со временем затяжных президентом Т. Рузвельтом в 1907—1909 гг. эффектных демонстраций, которые знаменовали превращение США в тихоокеанскую державу. Антисионская направленность этих демонстраций была для всех очевидной⁵⁵. Вмешательство США во внутренние дела Мексики в 1910—1917 гг., за которым стояли крупнейшие американские нефтяные тресты и владельцы Эс-Пи-лайн, еще более подогрело интерес буржуазии Калифорнии к «обороне» побережья. Интервенционистская лихорадка 1912 г. целиком захватила ее⁵⁶. Кампания «готовности» к лету 1916 г. приняла грандиозный размах. Но теперь уже и простакам стало ясно, что она служит лишь пропагандистским прикрытием для вступления США в европейскую войну⁵⁷.

Идея проведения грандиозных парадов-манифестаций в поддержку требований поставить Америку под ружье и быть готовым вмешаться в европейский конфликт была с ликованием подхвачена буржуазией по всей стране и с весны 1916 г. вылилась в необычайно помпезные демонстрации, призванные вдохнуть в беспечных американцев бойцовский дух и «патриотический» экстаз. Нечего и говорить, что все, кто выступали с антивоенных позиций (в первую очередь социалистические организации, ИРМ, многие крупные объединения АФТ, пацифисты и т. д.), автоматически попадали в разряд потенциальных изменников, тайных пособников кайзеровских диверсантов и осквернителей великих традиций⁵⁸.

Июль 1916 г. в Калифорнии выдался нестерпимо жарким. «Безумный месяц», — писал Эрнст Гопкинс, — самый сумасшедший, может быть, во всей нашей истории, если не считать периода участия в войне. Войны еще нет, но разве это можно назвать миром? Мира тоже не было⁵⁹. Стачки, рукопашные схватки у ворот предприятий и в доках, таинственные взрывы, антипрофсоюзная и антирадикальная декламация «отцов города», переходящая в плоскадную брань и угрозы. И в довершение всего — крайняя полярность позиций верхов и низов в вопросе, который приобрел первостепенную важность для нации, — вопросе об участии в мировой войне. Включившись с мая 1916 г. в подготовку гигантского «парада готовности», назначенного на 22 июля 1916 г., крупная буржуазия Сан-Франциско с самого начала стремилась придать ему милитаристский и антирабочий характер, подавить сопротивление, сделать его немыслимым перед лицом сплоченной и всесокрушающей мощи собственности, осененной звездно-полосатым флагом⁶⁰. Число участников гигантского представления ориентировочно определялось цифрой в 100 тыс. человек⁶¹, т. е. фактически всему взрослому населению города предписывалось занять свои места в марширующих шеренгах «патриотов». Предписывалось потому, что Торговая палата подкрепила свой

⁵⁴ Th. G. Paterson. Op. cit., p. 329, 332—334.

⁵⁵ См. Л. И. Зубок. Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, стр. 350—356.

⁵⁶ См. М. Альперович, Б. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958.

⁵⁷ См. З. М. Гершов. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962, стр. 140; Б. Д. Козенко. Рабочие движение США в годы первой мировой войны. Саратов, 1965, стр. 58; Н. С. Петерсон. Propaganda for War. The Campaign Against American Neutrality, 1914—1917. Norman, 1939.

⁵⁸ W. Mollis. Road to War. America 1914—1917. Boston, 1935; «International Socialist Review», August 1916, p. 69—73.

⁵⁹ E. J. Hopkins. Op. cit., p. 4.

⁶⁰ «International Socialist Review», October 1916, p. 216.

⁶¹ R. H. Frost. Op. cit., p. 82.

призыв угрозой выбросить с работы каждого, кто ослушается и не выполнит свой «патриотический долг»⁶².

У организаторов парада были причины для беспокойства, ибо позиция рабочего движения Сан-Франциско насчет его проведения была недвусмысленна. Рабочий совет города, зная о единодушном осуждении военных приготовлений большинством рабочих, заявил, что он не присоединится к шовинистической кампании, и призвал рабочих оставаться дома⁶³. Это был вызов, брошенный прямо в лицо и облеченный в форму обвинения в массовых убийствах во имя чистогана. Рабочие Сан-Франциско отказывались маршировать в одних рядах со своими врагами. Массовый антивоенный митинг, организованный профсоюзами, представителями общественности и левыми политическими группами 20 июля, показал, что военную истерию осуждают и многие представители средней буржуазии.

В разгар этих политических страстей вышел очередной номер «Blast». В нем — статья Тома Муни, единственная его статья, помещенная газетой. Она клеймит тех, кто рассчитывает приумножить состояние на военных приготовлениях, «на всеобщей бойне между рабочими, осуществляемой при помощи орудий убийства, ими же самими созданных»⁶⁴. «Blast» печаталась небольшим тиражом, и номер зачитывали до дыр, передавая из рук в руки. Сам по себе этот факт стоил множества других свидетельств, говорящих о том, что как левое, так и консервативное крыло рабочего движения Сан-Франциско были настроены резко против войны и военных приготовлений.

Окончание следует

⁶² M. H a l d e m a n - J u l i u s . Op. cit., p. 80.

⁶³ R. H. F r o s t . Op. cit., p. 81.

⁶⁴ Цит. по: «Labor Defenders», May 1936, vol. X, № 5, p. 6. Заметим, что и после ареста Муни и его друзей «Blast» в самых суровых условиях антирабочей истерии продолжала занимать решительную и последовательную антивоенную позицию, клеймя социал-шовинизм и агитируя за революционный выход из мировой войны. — «Blast», 15.XII.1916, vol. I, № 23.